

РЕЦЕПТЫ ОТ ШЕФА

По мнению первого главного фотографа *RS* Бэрона Уолмена, чья персональная выставка проходит в Москве, отличие рокеров шестидесяты-семидесятых от нынешних музыкантов состоит прежде всего в ощущении внутренней свободы, благодаря которой модным выглядело даже жалкое тряпье, а фрики казались почти иконописными **ТЕКСТ ГЭВИН ЭДВАРДС**

ПЛАН БЫЛ ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТ. БЭРОН Уолмен навещает Майлза Дэвиса в его квартире на Манхэттене и снимает легендарного джазового трубача в домашней обстановке на фоне его картин. Ситуация довольно типичная для 1969 года, когда мысли о стилистах, визажистах и декораторах фотографа приходили в голову последними. В результате план рухнул

практически в одну секунду и музыкант с Бэроном отправились в спортзал Gleason's Gym, расположенный в Бруклине. «Тут Майлз мне и говорит: «Давай, Бэрон, надевай перчатки, — вспоминает 74-летний Уолмен. — А я отвечаю: «Нуслушай, Майлз, я же все-таки здесь ради фотографий, какой тут на фиг бокс». Но Дэвиса было не пронять. Он посмотрел на меня в упор и своим скрипучим голосом жестко сказал: «Какого черта ты телиться, тебе же сказали: «Надевай!» — значит, ты должен мне подчиняться». Удивительно то, что мне даже не приходило в голову с ним спорить: когда ты оказывался рядом с Майлзом, все, что тебе хотелось — это следовать его непоколебимой воле, а дальше уже как судьбе будет угодно».

**«КОГДА ДЭВИД КРОСБИ
УВИДЕЛ СНИМКИ
УОЛМЕНА, — ВСПОМИНАЕТ
ДЖОНИ МИТЧЕЛ, — ОН
ПРОЗВАЛ МЕНЯ БАНДИТКОЙ
ЛЮБВИ. БЭРОН СХВАТИЛ
САМУЮ СУТЬ»**

ние сопричастности к какому-то таинству, то ли уже случившемуся, то ли запланированному на самое ближайшее время. В этом смысле идеальной моделью для Бэрона был Джимми Хендрикс, которому фотограф почти поклонялся («Одевался он как сам дьявол»), а тот в свою очередь сократил дистанцию с Уолменом почти до минимума. Другое дело — Майлз Дэвис. «От друзей я слышал, что иметь с ним дело непросто, — вспоминает Бэрон. — Говорили, что фотографов он недолюбливал, а особенно — белых. Дэвис контролировал ситуацию на все сто: в тренажерный зал мы ехали на его красной «феррари», и Майлз все время меня подкалывал. Когда же он понял, что напугал меня, то стал обаятельным и искренним: как буйный

парень в баре, который сначала наорется от души, а потом купит всем выпивки. Дэвис сравнивал свою музыку с боксом и каждому термину искал аналог: джеб, апперкот, хук. На ринг он меня так и не вызвал».

ВЕСНОЙ у БЭРОНА Уолмена вышел новый альбом под названием «*Every Picture Tells A Story — Baron Wolman, The Rolling Stone Years*». По словам фотографа, у издания есть немалая практическая ценность: когда Бэрон разъезжает по миру со своей выставкой лучших работ шестидесяты-семидесятых, он постоянно сталкивается с вопросами по поводу обстоятельств рождения того или иного кадра. «Все бы книги так делались, — с удовольствием вспоминает Уолмен, любовно раскрывая широкий том на фото с мечтательно воззрившимся в потолок издателем *RS* Яном Веннером. — Я отправился в Париж, а ко мне приехала очаровательная девчонка — фоторедатор Q и Моjo, которой я рассказал о каждой снимке во всех подробностях». В свои семьдесят четыре года Бэрон сохраняет поразитель-

ФОТО

Би Би Кинг за сценой
в Сан-Франциско, 1967 год.

Майлз Дэвис в спортзале
в Нью-Йорке, 1969 год.

Фрэнк Заппа у своего дома
в Лорел-Каньоне, 1968 год.

Дженис Джоплин у себя дома
в Сан-Франциско, 1967 год.

Джими Хендрикс
в мотеле в Сан-Франциско, 1967 год.

ную гибкость ума, однако рассказывая ту или иную историю, по словам, немного меняет детали. Именно поэтому Уолмену хотелось иметь под рукой канонический текст, чтобы не рассказывать про Лето любви и Вудсток по сто первому разу.

СЕЙЧАС ЭТИ ИСТОРИИ из «*The Rolling Stone Years*» — самое ценное для Бэрона, вместе с другим великим рок-фотографом Джимом Маршалом всегда ассоциирующегося у музыкантов с доверием и открытостью. «Когда ты оказываешься в считанных сантиметрах от Би Би Кинга, —

ценной комнате он просто сидел и тихо играл что-то для себя. Я сразу понял, что сейчас произойдет то самое волшебство».

Когда Бэрон Уолмен говорит о своих героях, он часто употребляет слово «открытый», что, по его мнению, было характерно для всей эпохи становления *Rolling Stone* в то время менеджеры еще не преграждали собой дорогу журналистам и артистам. «В мое время фотографам еще позволяли снимать прямо со сцены. Как-то я был в шаге от Тины Тернер — ее запах мне не забыть, наверное, никогда». Рассказывая о съемках, проведенных в Лорел-Каньоне, Уолмен в первую оче-

«Я ОТПРАВИЛСЯ В ПАРИЖ, И ТУДА КО МНЕ ПРИЕХАЛА ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ДЕВЧОНКА, КОТОРОЙ Я РАССКАЗАЛ О КАЖДОМ СНИМКЕ В ПОДРОБНОСТЯХ»

вспоминает свой классический снимок блюзмена с сигарой Уолмен, — то чувствуешь, как его буквально распирает изнутри. Би Би был настоящей примой, и, как и многие черные ребята, не старался тебя обмануть, не создавал напряжения и следовал логике ситуации. Если бы не его открытость, никогда не появилось бы снимков вроде того, где он в позе роденовского Мыслителя застыл над «Люсиль» (своей гитарой — прим. *RS*). Большая часть своих иконических кадров Бэрон сделал в гостиницах: вполне в традиции духа рок-ролла, благо в отелях музыканты проводят значительную часть своей жизни и, как ни парадоксально, часто чувствуют там себя почти как дома. «Когда я зашел в номер Джеффа Бека в лос-анджелесской Chateau Marmont, он сидел там в гордом одиночестве и перед ним стоял работающий телевизор с выключенным звуком». К тому времени Бек в течение довольно короткого времени пережил сразу три автомобильные аварии и сменил несколько коллективов — включая *The Yardbirds* и три инкарнации *Jeff Beck Group*. «В этой едва освещенной комнате он просто сидел и тихо играл что-то для себя. Я сразу понял, что сейчас произойдет то самое волшебство».

редь вспоминает свою сессию с Джони Митчел, одна из фотографий которой впоследствии попала на обложку *RS*. «Я даже не помню, где мы снимали конкретно, — говорит Уолмен. — Да и сама Джони тоже не помнит. Вроде бы это было у нее дома в Лорел-Каньоне. У меня засело в голове, что я должен был сделать и черно-белые, и цветные варианты. Мы сидели за столом, я помню это естественное освещение. И эту ее невероятную блузку из розового шелка. Не знаю, почему я употребляю это слово, но было в Джони что-то эдвардианское. Экспрессивное лицо, длинные светлые волосы». «Когда Дэвид Кросби увидел снимки Уолмена, — вспоминает Джони Митчел, — он прозвал меня Бандиткой Любви. Разительный контраст с мечтательной фолк-девочкой, которой меня тогда представляли. Думаю, что Бэрон схватил самую суть».

Бэрон Уолмен
Выставка «Baron Wolman. The Rolling Stone Years» в московской галерее «Победа» продлится до 22 июня.